

Глава 43. Деревня Цзюаньлоу 08

— ... Какой А-Хуань, это А-Гуань.

Лу Хуэй с Мин Чжаолинем не нашли ключей, но когда они вернулись с этими двумя иероглифами, Яо Хаохао их огорчила:

— Это чжуаньшу.

* 篆 (zhuànshū) - древний стиль каллиграфического письма.

Яо Хаохао пояснила:

— Хотя «гуань» (𠄎) и «хуань» (𠄎) выглядят похоже, их составные части «цзянь» (見, видеть) и «цянь» (欠, недоставать) пишутся по-разному.

Она даже написала для них обоих иероглиф «хуань» в стиле чжуаньшу.

Лу Хуэй внимательно посмотрел и даже попробовал повторить:

— Ты в университете изучала это направление?

Яо Хаохао ответила отрицательно:

— Мои родители преподаватели. Папа — профессор на факультете китайской филологии, так что я кое-что запомнила с детства.

Лу Хуэй на мгновение застыл.

Он не сразу заговорил. Мин Чжаолинь, молча запоминавший иероглифы, повернул голову:

— А-Мань?

Лу Хуэй и вправду реагировал на это обращение.

Он инстинктивно посмотрел на Мин Чжаолия. Тот слегка приподнял бровь, ничего не сказав, но в его глазах читались какие-то эмоции.

Лу Хуэй кивнул и небрежно бросил:

— Просто подумал, какое совпадение.

Он усмехнулся:

— У меня есть друг, с которым мы выросли вместе. Его родители тоже преподаватели, а отец — профессор китайской филологии.

Такое совпадение и вправду могло сблизить. Яо Хаохао тоже удивилась:

— Вот это да!

Она спросила:

— А в каком университете работает его отец?

Лу Хуэй задумался:

— Я не особо вникал, так что не помню. В общем, где-то на юге.

Яо Хаохао:

— Мой папа тоже с юга!

Она добавила:

— Может, они даже знакомы.

Лу Хуэй улыбнулся:

— Возможно.

Нет.

Ведь они из разных миров.

Лу Хуэй опустил взгляд, затем снова посмотрел на задумчиво наблюдающего за ним Мин Чжаолиня: «?»

Мин Чжаолинь не стал скрывать:

— Просто подумал, у тебя, А-Мань, оказывается, есть друзья.

Лу Хуэй: «???»

Он такой замечательный, как это у него могло не быть друзей?

— ... Это у тебя нет друзей. — с долей раздражения произнёс Лу Хуэй. — У меня друзей — хоть пруд пруди.

Он вовремя пресёк пустые разговоры:

— Ло Е и другие вернулись?

Яо Хаохао с Ци Баем покачали головами:

— Нет.

Лу Хуэй слегка нахмурился.

— Брат, что-то не так?

— Ничего серьёзного.

Лу Хуэй ответил:

— Мы с Мин Чжаолинем пошли искать других игроков, но не нашли.

Неизвестно, не донёс ли на них утром тот информатор, и теперь все попрятались.

В конце концов, в деревне немало домов, они не могли стучаться в каждый — это выглядело бы слишком странно.

Вспомнив их подозрения о предателе в своей группе, Ци Бай с Яо Хаохао также стали выглядеть озабоченными.

Особенно то, что Ло Е и другие унесли свои рюкзаки... заставляло ещё больше подозревать, что в них было что-то важное.

— Торопиться некуда.

Лу Хуэй взглянул на темнеющее небо:

— Подождём до вечера, посмотрим, что будет после ужина.

Он искренне взмолился:

— Красавица, посмотри на этого парня рядом со мной.

Лу Хуэй указал на Мин Чжаолия:

— Он крупный, мясо упругое, прямо как деревенская домашняя курочка, понимаешь? Выбери его, он вкусный.

Если «женщина» каждую ночь выбирает двух человек, то сегодня лучше выбрать его с Мин Чжаолинем.

Во-первых, он сможет проверить, пострадает ли он, если с Мин Чжаолинем ничего не случится; во-вторых, Мин Чжаолинь сможет испытать, как выжить, съев мясо.

Лу Хуэй был вполне уверен в себе и в Мин Чжаолине.

... Всё же лучше, чем если она выберет Яо Хаохао и Ци Бая.

Мин Чжаолинь тихо усмехнулся:

— Словно ты пробовал.

Но он не стал оспаривать слова Лу Хуэя — он и сам надеялся, что её выбор падёт на него.

В основном из-за сильного любопытства.

Лу Хуэй посмотрел на него:

— Слышал такую поговорку?

Мин Чжаолинь мгновенно понял, что тот хочет сказать, и язвительно бросил:

— Хочешь пораньше переродиться — так и скажи.

Лу Хуэй запнулся и проглотил фразу «свинину не ел, но видел, как свинья бегает».

* 隔行如隔山 (méi chīguò zhūròu dàn jiànguò zhū pǎo) - китайская поговорка, означающая отсутствие непосредственного опыта, но наличие общего представления.

Яо Хаохао с Ци Баем смотрели на них и думали, что те и впрямь похожи на младшеклашек.

А ближе к ужину Ло Е и другие вернулись.

Лу Хуэй, уже было подумавший, что они не появятся, приподнял бровь и сразу спросил:

— Где вы были?

Выражение лица Ло Е выглядело нормальным, но вот двое игроков за его спиной казались несколько неестественными.

Лу Хуэй без стеснения разглядывал их, снова приняв задумчивый вид, словно видел их насквозь, отчего те двое игроков чуть не облились холодным потом. Заметив его выражение лица, Ло Е тоже невольно напрягся.

— ... Ходили, искали зацепки. — сказал Ло Е. — Сначала хотели найти деревенского слесаря, попробовать добыть ключ от гардероба, но не получилось.

Мин Чжаолинь слегка приподнял бровь, склонив голову набок, и лениво скользнул по ним взглядом. Он и вправду был красивым, и такой жест должен был выглядеть очень элегантно, особенно с его персиковыми глазами, про которые говорили, что даже на собаку они смотрят с нежностью. Но в его исполнении этот жест вызывал лишь леденящий душу страх и ощущение опасности.

Ибо хотя его глаза и были слегка прищурены, в них читалась лишь ледяная отстранённость, а сейчас ещё и необъяснимая оценивающая пронизательность.

Для Ло Е и его компании гнетущее ощущение, исходившее от Мин Чжаолиня, было куда сильнее, чем от Лу Хуэя.

Ло Е в мгновение ока покрылся потом, его ноги предательски подкосились, и он едва не рухнул на колени перед Мин Чжаолинем.

Особенно когда Мин Чжаолинь многозначительно произнёс:

— Мы тоже были в доме слесаря, но вас там не видели.

У Ло Е уже не было сил нормально соображать, чтобы понять, не блефует ли Мин Чжаолинь:

— Не может быть! Мы и вправду были в доме слесаря! Но задержались там ненадолго... Мы пришли утром, потом пообедали у него, а раз ключ не достали, то после обеда ушли...

Ло Е смертельно боялся, что Мин Чжаолинь сейчас придушит их на месте:

— Клянусь, это правда... Вы... вы, случайно, не днём приходили в дом слесаря?

Именно так.

Лу Хуэй не ответил на его вопрос, вместо этого спросив своё:

— Откуда ты узнал, где дом слесаря и кто он?

Ло Е:

— Я спросил у старосты! Шкаф никак не открывался, вот я и подумал, что там наверняка есть зацепка, спросил его, кто делал замок для шкафа, вот он и сказал...

Лу Хуэй:

— А куда вы ходили днём?

Ло Е как-то не очень хотелось говорить, но, глядя на Лу Хуэя с Мин Чжаолинем... Это был его первый раз, когда он столкнулся с Мин Чжаолинем в инстансе, но страх перед ним был ничуть не меньше, потому что он от много кого слышал, что этот безумец своим поведением и впрямь доводил слово «псих» до абсолюта.

Он слышал слишком много — и преувеличенных, и не очень — историй о Мин Чжаолине, поэтому, помедлив всего несколько секунд, он тут же выложил:

— Когда мы обедали в доме того слесаря, к нему пришёл кто-то из деревни, говорил о подготовке к завтрашнему обряду. Но, увидев нас, тот, кто его звал, тут же замолчал. Поэтому после еды мы тайком последовали за ними, чтобы посмотреть.

Лу Хуэй продолжил допрос:

— И что вы увидели?

Двое игроков за спиной Ло Е, не смеявшие и пикнуть, переглянулись. Ло Е горько усмехнулся:

— Мы долго шли за ними по пятам. Не знаю, заметили ли они или как, но в итоге они скрылись в белом тумане. Мы посоветовались и оставили одного из нас на страже. — Он указал на игрока с короткой стрижкой позади себя, — Вот его.

Затем продолжил:

— А потом мы с ним, — он указал на другого, более крепкого игрока,

— вдвоём вошли в туман. Мы шли следом за ними, и сквозь туман смогли разглядеть их спины, а также услышать, как они говорят что-то вроде «на этот раз как?» и «не знаю, будут ли довольны»... Но по мере того, как мы глубже уходили в туман в горах внезапно поднялся ветер, и они исчезли.

Ло Е выдохнул:

— Мы не знали, возвращаться ли обратно или что, и пошли дальше вперёд. И где-то минут через десять, сами не знаем, как, вышли обратно.

Тут Ло Е даже содрогнулся, ему стало жутковато:

— Мы вышли из тумана. Я точно знаю, что мы провели внутри от силы минут двадцать, но, выйдя и взглянув на время в телефоне, увидели, что уже больше четырёх дня. Выходит, мы пробыли в тумане как минимум четыре часа.

Разница между четырьмя часами и двадцатью минутами по ощущениям была колоссальной.

Так что проблема определённо была в тумане.

К тому же, Ло Е и другие подтвердили один факт: в этом инстансе можно заходить в белый туман, он не является границей инстанса.

Лу Хуэй не стал сразу ничего допытывать и промолчал. Ло Е забеспокоился, украдкой поглядывая на безмолвного Мин Чжаолия.

Однако Мин Чжаолия смотрел на Лу Хуэя:

— А-Мань, есть какие-то мысли?

Лу Хуэй тоже не стал скрывать:

— Я как раз думаю, каким будет завтрашний «обряд», сообщат ли нам о нём... или же в нас не нуждаются.

Ло Е и двое других на мгновение опешили. Крепкий игрок нерешительно, крайне осторожно спросил:

— Этот обряд... имеет к нам отношение?

Лу Хуэй взглянул на него и усмехнулся:

— Ты в инстанс пришёл или на экскурсию?

Игрок сразу же прикусил язык.

В инстансе спрашивать, имеет ли что-то к тебе отношение, — это и впрямь глупейший вопрос.

Они здесь выживают... и всё необычное, что здесь происходит, с высокой вероятностью является зацепкой прохождения инстанса и, конечно, имеет к ним отношение.

Лу Хуэй больше ничего не сказал, и как раз в этот момент Ян Цяньфань позвал их ужинать.

Итак, семеро уселись под гробоподобным алтарём.

На ужин снова была миска с мясом, на этот раз не тушёным, а острым. По-прежнему было неясно, что это за мясо, но Лу Хуэй предполагал, что его лучше не есть.

Ведь барана, в которого превратился Лю Хань, не могло хватить только на один завтрак.

Особенно когда игрок со стрижкой, набравшись смелости, спросил Ян Цяньфаня:

— Дядюшка, а что это за мясо?

Ян Цяньфань ответил:

— Тоже наше местное блюдо, называется «Жао ба хо».

* 加火 (gāo bǎhuǒ) - дословно что-то вроде «добавить огня», что в некоторых диалектах или

контекстах может означать «подбрось дров в огонь» — то есть усилить жар. Название блюда, которое, судя по контексту, также может быть связано с каннибализмом или странным мясом, подобно «Незавидному барану» (□□□).

«...»

Лу Хуэй с каменным лицом бросил взгляд на того парня со стрижкой.

Неужели он бы умер, если бы спросил, поев другого блюда?

Из-за такого вопроса и другая еда уже не лезла в горло.

Парень со стрижкой не заметил его взгляда, но почувствовал ледяной холодок, пробежавший по позвоночнику и тоже не тронул то мясо.

Однако, тронет он его сегодня или нет, Лу Хуэю, уже не было дела.

Потому что вчера он его ел.

А тот...

Видя, как тот, уставившись на миску с мясом, пускает слюни и, хоть и уплетает рис с другими блюдами, выглядит по-прежнему голодным, Лу Хуэй подумал, что это классический эффект инстанса, своего рода «заражение».

Он снова взглянул на Мин Чжаолиня и увидел, что тот совершенно спокойно ест другие блюда с рисом. Заметив его взгляд, Мин Чжаолинь недоумевая склонил голову набок.

Что ж...

Видимо, либо он съел мало и заражение слабое, либо само заражение несерьёзное, поэтому Мин Чжаолинь может его переносить.

Лу Хуэй взглядом дал ему понять: «Всё в порядке, кушайте дальше».

С трудом проглотив одну миску риса, Лу Хуэй отложил палочки.

Ян Цяньфань даже спросил его:

— Наелся? Ты в обед съел так много, а вечером — всего чуть-чуть? Почему не ешь мясо?

— Аппетита нет. — отмахнулся Лу Хуэй. — По дому скучаю.

Но Ян Цяньфань запнулся, и очень как-то странно посмотрел на Лу Хуэя.

Лу Хуэй: «...?»

Эти слова что-то запустили?

Однако Ян Цяньфань ничего не сказал, лишь молча убрал чашку и палочки Лу Хуэя.

Лу Хуэй с задумчивым видом посмотрел на него, но пока не стал расспрашивать.

Поскольку в деревне темнело рано, а после наступления темноты вся деревня словно погрузалась во мрак, Лу Хуэй и остальные тоже не предпринимали больше никаких действий.

В принципе, Лу Хуэй не считал, что с Ло Е есть какие-то проблемы. Этот человек... возможно, просто хотел побольше «очков вклада», ставя на то, сможет ли занять первое место.

В этом игровом мире ходила молва: чем сложнее инстанс, тем богаче награда за первое место.

А теперь Лу Хуэю, как автору этого романа, приходилось развенчивать миф в реальном времени —

Нет, это не так.

Награда за первое место всегда была привязана к способностям. Занять первое место — значит всего лишь получить одно улучшение способности.

Разные способности при улучшении давали разный эффект. Например, способность Мин Чжаолиня — «Гребёж» — изначально позволяла украсть чужую способность лишь на один раз, и использовав её, он терял её навсегда, а владелец возвращал себе умение. Да и сама кража считалась использованной уже при активации, так что Мин Чжаолиню приходилось откладывать «украденное» на будущий инстанс.

Сейчас же он может украсть — и сохранить у себя. Может использовать один раз, два раза, или даже не использовать вовсе. А самое главное — украденная способность больше не работает у прежнего владельца, пока Мин Чжаолинь сам не отменит кражу.

Такого уровня Мин Чжаолинь смог достигнуть, пройдя множество инстансов.

Поэтому Лу Хуэй всё же надеялся реже сталкиваться с Мин Чжаолинем в будущем.

Его собственную способность можно было разблокировать и получать карты за игровую валюту; она была уникальной во всём мире. Возможно, стоило убить сильного игрока, и он мог бы сразу достичь вершины. Но способность Мин Чжаолиня обязательно требовала первого места для улучшения.

В будущем его способность могла развиться до невероятной мощи.

Хотя Лу Хуэй и не продумал, какую именно личность и происхождение дать Мин Чжаолиню, его способность он расписал заранее и очень подробно.

Если бы Мин Чжаолинь проходил инстансы вместе с ним, он бы конкурировал с ним за первое место.

Лу Хуэй тоже не мог просто уступить ему первое место ради его роста.

В конце концов, он не хотел убивать.

Лу Хуэй сидел на кровати, глядя на плесень в углу потолка, и вздохнул.

Всё же лучше команду не собирать.

Он вертел в руках ручку, пытаясь упорядочить полученные зацепки, подстраивая их под выстроенную им версию истории, как вдруг среди изредка доносящегося лая собак и стрекотания насекомых послышался едва уловимый странный завывающий звук.

«У-у-у...» — протяжно, с неравными интервалами, даже с некоторой мелодичностью... похоже на музыку?

Лу Хуэй насторожился.

Низкий звук, извлекаемый из листа?

Он спрыгнул с кровати, подошёл к окну, но в момент, когда собрался открыть его, замер.

Лу Хуэй вспомнил ту красную тень, которую видел только он.

Вопрос в том, действительно ли Мин Чжаолинь не видел её, потому что был его «парой», а другие, не евшие мясо, просто были не в то время не в том месте, или же... её и вправду мог видеть только он.

Так ли проста его роль в этом инстансе?

Ведь в этом инстансе он ещё ничего не сделал, а старуха уже относилась к нему совсем по-другому.

В инстансах «Санаторий» и «Лифт» Лу Хуэй специально повышал благосклонность NPC, а здесь — нет.

Лу Хуэй вспомнил запись в рабочем дневнике Яо Хаохао:

«Я снова это слышу, на этот раз...».

Неужели... здесь и перерождение замешано?

Лу Хуэй убрал руку, которой собирался открыть окно, и решил найти Мин Чжаолия.

Ещё не успев постучать в дверь его комнаты, он увидел, как та открывается изнутри.

До этого Лу Хуэй ни разу не был в комнате Мин Чжаолия, и теперь, впервые оказавшись здесь, обнаружил, что его комната, кажется, немного меньше, но зато ближе к горам.

Лу Хуэй не удивился, что Мин Чжаолия не удивлён его появлению на пороге — тот наверняка услышал его шаги:

— Ты слышал?

Мин Чжаолия склонил голову набок и задал встречный вопрос:

— А ты что услышал?

Лу Хуэй описал:

— Похоже на низкий звук, как если бы дули в лист.

Это касалось области незнания Мин Чжаолия, поэтому тот с лёгким недоумением посмотрел на него.

Лу Хуэй тихо вздохнул и жестом предложил:

— Сорви лист.

Мин Чжаолинь достал из кармана лист.

Лу Хуэй: «...»

Ты что, мусорное ведро? Почему у тебя в кармане есть всё что угодно?

Лу Хуэй взял её и с недоумением спросил:

— Почему у тебя в кармане листья?

Мин Чжаолинь:

— Я предугадал твои действия?

Лу Хуэй: «...»

И ты думаешь, я в это поверю?

Видя, что тот опешил и смотрит с неммым укором, Мин Чжаолинь, прислонившись к косяку, рассмеялся.

Он лениво теребил кончики своих волос, тень от света в комнате за его спиной почти полностью накрыла Лу Хуэя. Когда Лу Хуэй поднял на него глаза, он явственно ощутил исходящее от его роста и телосложения чувство подавления.

Мин Чжаолинь неспешно произнёс:

— Сорвал мимоходом, думал, пригодится потом. Не думал, что пригодится сейчас. Чудеса, да?

... И впрямь чудеса.

Лу Хуэй смотрел на лист в руке со сложными чувствами.

Он же прописал Мин Чжаолиню интуицию... а не предугадывание или предсказание. Почему же тот всякий раз так точно угадывал, что ему нужно?

Лу Хуэй поднёс лист ко рту и попробовал.

Он уже давно этого не делал, первые две попытки не увенчались успехом, получилось только с

третьего раза.

Полагаясь на ощущения, Лу Хуэй воспроизвёл тот едва слышный завывающий звук, который только что слышал. Мин Чжаолинь внимательно прослушав:

— Похоже на песенку.

Лу Хуэй согласился:

— Я тоже так думаю.

Он инстинктивно облизнул губы и уже собрался убрать лист в свой карман, но неожиданно Мин Чжаолинь протянул к нему руку.

Лу Хуэй: «?»

Он тебе ещё нужен?

Он не произнёс это вслух, но Мин Чжаолинь и так понял:

— Я попробую.

Лист может издавать звуки... Диковинка.

Лу Хуэй посмотрел на лист в своей руке:

— Сорви другой...

Мин Чжаолинь просто выхватил лист у него из рук и взял его в рот.

Лу Хуэй: «...»

Он помолчал несколько секунд, глядя, как Мин Чжаолинь, не сумев издать звук, с лёгким цыканьем хмурится, и погрузился в ещё более глубокое молчание.

Кстати, в первый день в инстансе Мин Чжаолинь уже пил из его бутылки.

Ладно.

Не думай об этом...

Раньше он об этом не вспоминал, почему сейчас в голову полезло?

Неужели всё дело в ночи???

Мин Чжаолинь совершенно ничего не подозревая, продолжал вертеть в руках лист:

— Как ты это сделал?

Лу Хуэй посмотрел на него и подумал, что этот человек, возможно, сам не замечает, насколько расслаблен в его присутствии.

Видимо причина в том, что Мин Чжаолинь уже убедился, что он много чего о нём знает, а значит, не нужно скрываться и сдерживаться перед ним.

— Не знаю, как тебе объяснить — Лу Хуэй опустил взгляд, его настроение стало сложным. — Я и сам научился не сразу, методом проб и ошибок.

Раньше, когда было скучно, многое было нельзя делать, приходилось искать, чем занять себя, чтобы убить время, иначе было слишком тяжело.

Мин Чжаолинь и вправду очень заинтересовался тем, что листик может издавать звуки, поэтому, держа его, сказал:

— Тогда я ещё попробую.

Убедившись, что тот не слышал звук, который слышал он, и помахал рукой:

— Пробуй, а я спать.

.

Наступила глубокая ночь, а с ней и холод.

В тот миг, когда Лу Хуэй почувствовал холод, он сразу осознал — «женщина» снова здесь.

На этот раз он не шевелился, сохраняя позу спящего, и услышал, как печальный, призрачный женский голос спросил его:

— Ты слышал?

А?

Поменяла реплику?

Лу Хуэй сдержался, продолжая притворяться спящим, но его мозг заработал на полную скорость.

Она пришла потому, что он слышал едва уловимую мелодию, исполняемую на листе? Но прошлой ночью он видел красную тень, а спросили его тогда «ел ли он мясо».

Лу Хуэй не отвечал, а «женщина», как и вчера, продолжала повторять вопрос:

— Ты слышал?

На этот раз она и впрямь сменила реплику:

— Красиво?

Медленно и плавно, но с нотками холода и жути, она тихо запела у самого уха Лу Хуэя на местном диалекте:

Мамочка, не плачь

Папочка, не спеши

На малом огне томится «Незавидный баран»

Братец, не бойся

Сестрица, не тревожься

Бараний костяк растирается в кашу

Сытно поел — и слух стал острее

Набравшись сил, снова барана нарежь

Один, два, три, четыре...

Барашек стонет, барашек плачет

Без ног никуда не убежит барашек

Ни Небо, ни Земля не приходят на помощь

Вновь пусто брюхо, вновь жуёшь пустоту*

Снова разводим огонь, и варим кости до трухи**

Досыта поел — и слух притупился

Только ветер, и горы рыдают ☐

* 嚼空 (yí gān jué) - Досл.: «Щёки сухо жуют». Устоявшийся перевод: «Жевать пустоту». Это выразительная фраза, передаёт крайнюю степень голода и отчаяния. Человек совершает жевательные движения пустым ртом («сухо»), потому что есть нечего, но голод заставляет мышцы челюстей рефлекторно двигаться.

** 骨烂 (hé gǔ làn) - Досл.: «Кости и мясо развариваются вместе» / «превращаются в кашу». Устоявшийся перевод: «Разваренные до мягкости кости» / «Варится, пока кости не разварятся».

....

Её голос был тихим и протяжным, подобно ветру, а также напоминал змеиное шипение у самого уха Лу Хуэя. От этого у него едва не сдали нервы. К тому же, неизвестно, обладала ли эта песенка психической атакой или нет, но Лу Хуэю почудилось, будто невидимая рука сжимает его горло, мешая дышать.

К счастью, в притворстве спящим он всегда был на высшем уровне, мог контролировать даже появление мурашек.

Ощущение удушья исчезло, что и удержало Лу Хуэя от попытки атаковать.

В то же время он думал —

Кто же ещё столкнулся с «женщиной»?! Почему до сих пор нет никакого движения?!

Эта «женщина» задерживается у него слишком долго!!!!

Тем кем-то ещё, к кому пришла «женщина», оказался Мин Чжаолинь, на которого и молился Лу Хуэй.

Почувствовав холод, Мин Чжаолинь мгновенно пробудился от чуткого сна.

Он даже сразу открыл глаза и, почувствовав неладное, посмотрел в сторону своего изголовья.

Там, через окно без занавески, почему-то просачивался холодный и довольно яркий лунный свет. Падая в комнату, он хорошо освещал «женщину», позволяя Мин Чжаолиню встретиться взглядом с горизонтальными зрачками, характерными для овцы.

На первый взгляд в них была какая-то жалость, но, появляясь на человеческом лице, они выглядели жутковато и с необъяснимым оттенком зла.

Особенно учитывая, что лицо этой «женщины» тоже отдалённо напоминало овечье.

— ... Ты ел?

Когда прозвучал этот печальный и холодный голос, Мин Чжаолинь не стал отвечать, а вместо этого с задумчивым видом ещё раз окинул «женщину» взглядом.

Не похоже на труп. На открытых участках кожи нет следов сшивания, и ещё...

Нет ног.

Мин Чжаолинь не привык, чтобы кто-то лежал рядом с ним, даже если это не человек, поэтому при первом же осмотре он приподнялся и отодвинулся от «женщины» подальше.

У этой «женщины» не просто не было ног. На ней было длинное белое платье с длинными рукавами. Верхняя часть платья выглядела нормально, но нижняя часть была пустой, а подол покрывали багровые пятна, похожие на уникальный узор, но без малейшего запаха крови.

«Женщина» снова спросила:

— Ты ел?

Мин Чжаолинь проигнорировал её, и тогда голос «женщины» мгновенно изменился.

Он больше не был тихим и печальным, а наполнился гневом, с примесью зубного скрежета:

— Ты ел, я знаю, ты ел —

Но она не кричала, вместо этого понизив голос, отчего это прозвучало особенно злобно и ядовито:

— Тебе понравилось? Вкусно? Вкусно? Вкусно? Вкусно? Вкусно?

С каждым вопросом её речь ускорялась, в ней нарастали нотки безумия.

Мин Чжаолинь сидел на краю кровати, смотрел на неё и задал искренний вопрос:

— Ты вообще хочешь, чтобы люди ели это, или нет?

«Женщина»: «...»

Вероятно, она не ожидала от Мин Чжаолиня такой реакции. Помолчав секунду, она просто бросилась на него, выпустив когти.

Мин Чжаолинь, уклоняясь, одновременно протянул руку и схватил «женщину» за запястье. Но, вопреки ожиданиям встретить сверхсильного противника, он с лёгкостью сжал её запястье, не только удерживая, но и притянув к себе, после чего резко ударил коленом!

В момент, когда его колено коснулось женщины, он даже не успел ничего почувствовать, как «женщина» внезапно взорвалась, разлетевшись по комнате кровавыми ошмётками.

Хотя Мин Чжаолинь мгновенно среагировал и попытался уклониться, без колебаний спрыгнув с кровати, оттолкнувшись от неё руками и использовав воздушный поток, чтобы отбросить часть брызг, большая часть крови всё же попала на него.

Он приземлился на пол и с раздражением, явно выражая отвращение, вытер лицо тыльной стороной чистой руки.

Но прежде, чем он успел что-либо ещё предпринять, его интуиция почувствовала опасность —

Брызги крови на нём мгновенно сконденсировались!

Они превратились в руку без кожи. Поскольку она формировалась прямо на его коже, уклониться не было никакой возможности. Мин Чжаолинь почувствовал, как её пальцы сжимают его горло. Он не чувствовал боли, но, на удивление, не ощущал и удушья.

... Просто притворство?

Пока мелькала эта мысль, Мин Чжаолинь без колебаний снова атаковал.

На этот раз он выбрал не «удар», а резко дёрнул эту руку. К счастью, эта штука не рассыпалась от одного прикосновения, иначе, повторяйся это снова и снова, первым бы пал именно он, если только не использовать способность.

Сбрасывая эту руку, Мин Чжаолинь одновременно отряхнул и все прилипшие к нему капли крови. Однако, образ женщины без ног снова материализовался в мгновение ока. Мин Чжаолинь слегка прищурился, поднял полу куртки и выхватив кинжал, после чего ринулся на «женщину».

У неё должно быть слабое место.

Поскольку ему не понравились глаза «женщины», его клинок направился прямым в её глаза.

«Женщина», уворачиваясь, одновременно протянула руку, чтобы схватить Мин Чжаолиня за волосы.

Мин Чжаолинь резко мотнул головой — длинные пряди взметнулись в воздух, едва коснувшись её пальцев.

Его пальцы ловко скользили по рукоятки, и лезвие уже было готово полоснуть по глазам «женщины», но именно в этот момент Мин Чжаолинь внезапно замер, его тело на мгновение неконтролируемо оцепенело, и «женщина» сумела увернуться.

Её горизонтальные зрачки уставились на Мин Чжаолиня, а из уст по-прежнему лился тот же вопрос:

— Ты ел?

Мин Чжаолинь приподнял бровь, пока, не став разбираться, что вызвало его кратковременный ступор, и снова атаковал, не собираясь отвечать на вопрос «женщины».

Он и вправду не сдерживался, но «женщина» двигалась легко, уворачиваясь если не без усилий, то точно так, что Мин Чжаолинь не мог до неё дотянуться.

«Женщина» продолжала бормотать:

— Я знаю, ты ел.

— Я чувствую запах.

— От тебя несёт тленом.

— Знаешь, что это за запах?

— Это запах моего мяса.

— Ты ел его.

— И никогда уже не сможешь отсюда уйти.

...

Мин Чжаолинь цыкнул.

Он оттолкнулся ногой от пола, резко ускорившись, но «женщина» уклонилась и остриё снова прошло мимо. Даже последовавший тут же горизонтальный выпад не достиг цели.

«Женщина», не имея ног, тем не менее, неестественно прогнулась назад, избежав удара Мин Чжаолиня.

Тот мгновенно сменил траекторию, нанося укол вниз, но «женщина», словно призрак, снова отплыла в сторону.

— Какой непослушный барашек.

«Женщина» вдруг хихикнула:

— Но ничего, я знаю твою слабость.

Всё время уворачивавшаяся «женщина» внезапно протянула к Мин Чжаолиню руку. Её рука изначально была обычной человеческой, но в момент, когда она устремилась к Мин Чжаолиню, на запястье внезапно выросло ещё пять-шесть рук, жаждущих схватить его!

Мин Чжаолинь, отклоняясь, одновременно резко крутанулся, совершив в воздухе полный оборот, и нанёс по «женщине» ещё один удар ногой.

Кровавые брызги снова разлетелись, но на этот раз Мин Чжаолинь был готов. В момент удара он за счёт невероятной силы мышц пресса снова крутанулся в воздухе, а его особые ботинки

вызвали разрезающий воздух вихрь, отбросивший летящие брызги!

Мин Чжаолинь ухватился за верх гардероба, используя его как опору, чтобы избежать контакта с запятнанным полом. Вцепившись в верхний край четырьмя пальцами, он развернулся боком, упервшись ногами в дверцы гардероба.

А когда брызги начали сгущаться, Мин Чжаолинь резко оттолкнулся!

Всё его тело, можно сказать, выстрелило вперёд. И в тот миг, когда «женщина» вновь материализовалась, его клинок достиг её горизонтальных зрачков, вырывая их с корнем.

В момент, когда смесь крови и плоти брызнула наружу, Мин Чжаолинь уже занёс клинок для защиты, но субстанция превратилась в красный дым и рассеялась.

Мин Чжаолинь приземлился на кровать и тут же открыл глаза, снова поднимаясь с постели.

Сон...?

Он задумчиво посмотрел на окно.

Никакого яркого лунного света, проникающего внутрь ... Значит, иллюзия или же погружение в сон.

... Почему все инстансы, связанные с «Цзюнь Чаоманем», связаны со снами?

Мин Чжаолинь спрыгнул с кровати и направился напрямиком к Лу Хуэю.

Он не стал стучать, а просто распахнул дверь комнаты, попутно щёлкнув выключателем. Лу Хуэй лежал на кровати и когда свет загорелся, он открыл глаза, словно разбуженная Спящая красавица, и медленно сел.

Они встретились взглядами, и одного взгляда хватило, чтобы понять, что этой ночью «женщина» наведала обоих.

Мин Чжаолинь расслабленно усмехнулся, неспешно войдя в комнату:

— Ты...

Он не успел задать вопрос, как, заметив на шее Лу Хуэя следы от пальцев, запнулся. Убедившись, что это не его работа — те синяки, что он оставил на шее Лу Хуэя у входа в деревню, он вылечил мазью — Мин Чжаолинь сменил тему, с силой проведя языком по острию

клыка и надув щеку:

— Ты с ней подрался?

Ему это не нравилось.

«Цзюнь Чаомань» был его добычей.

Лу Хуэй не ответил, лишь сжал губы, пытаясь сдержаться, но не выдержал и тихо вскрикнул от боли.

Мин Чжаолин: «?»

Лу Хуэю тоже хотелось знать.

Он прикусил язык, не понимая, откуда взялась эта внезапная боль, и добавил:

— Я с ней не дрался, она спела мне песенку, а потом я вдруг почувствовал, будто что-то сдавило мне горло... Что ты делаешь?

Лу Хуэй посмотрел на Мин Чжаолина, который, согнув одну ногу, наполовину взгромоздился на край кровати, склонившись к нему. Не успев ничего предпринять, Лу Хуэй почувствовал, как Мин Чжаолин схватил его за подбородок. Его тень накрыла Лу Хуэя, оказывая невероятное давление.

Силы он прилагал не много, и Лу Хуэй, захоти он действительно сопротивляться, мог бы вырваться.

— Не двигайся.

Мин Чжаолин приподнял его голову, осматривая шею Лу Хуэя.

Локти Лу Хуэя упирались в кровать, он был вынужден запрокинуть голову. Эта поза напоминала агнца, подставляющего горло под нож, и Лу Хуэю она очень не нравилась.

Но, встретившись с тёмными, неясными глазами Мин Чжаолина, в которых читались размышления, он мог лишь на время подавить дискомфорт и потерпеть.

Неизвестно, сколько прошло времени, и Лу Хуэй выдавил:

— ... Ну что, посмотрелся?

Мин Чжаолинь медленно убрал руку. Лу Хуэй снова спросил:

— И что разглядел?

Мин Чжаолинь небрежно бросил:

— Шея у тебя ничего.

Следы от пальцев отливали лёгкой чернотой, что явно указывало на прикосновение призрака, и располагались примерно там же, где «женщина» сжимала его горло.

Лу Хуэй: «?»

Ты больной что ли —

— Что ты делаешь?!

Лу Хуэй смотрел, как тот перехватил его руку и достал нож.

Мин Чжаолинь сказал:

— Провожу эксперимент.

— Экспериментируй на себе, я боюсь —

Не успев договорить, Лу Хуэй почувствовал лёгкий порез.

Всего лишь царапина, но обычно даже такая ранка причиняла Лу Хуэю колющую боль. Однако на этот раз он не почувствовал абсолютно ничего.

Зато на тыльной стороне руки Мин Чжаолиня проступил неглубокий след от лезвия, и выступили капельки крови.

Что ещё важнее —

Мин Чжаолинь приподнял бровь, смотря на свою руку с примесью новизны и изумления, неуверенно потрогал её и даже с силой надавил пальцем на ранку.

Лу Хуэй воочию наблюдал, как тот пришёл в возбуждение, и в тот же миг всё понял:

— Ты чувствуешь боль?!

Мин Чжаолинь посмотрел на него, облизал губы и сжал рукоять ножа.

Лу Хуэй, разгадав его намерение, впервые так явственно ощутил, до какой степени он прописал этому человеку безумие:

— Нет! Пстой!

Лу Хуэй схватил его за запястье, преграждая путь:

— Мин Чжаолинь! Мы в инстансе! Не сходи с ума!

Остриё ножа Мин Чжаолиня упёрлось в плечо Лу Хуэя, а сам он наполовину навалился на него сверху. Длинные волосы Мин Чжаолиня слегка ниспали, словно паутина, опутывая Лу Хуэя.

— Но как раз благодаря этому инстансу, — тихо произнёс Мин Чжаолинь, но интерес и возбуждение в его голосе на все сто выдали его безумие, — я могу чувствовать боль.

Он даже смягчил тон, словно демон, собирающийся соблазнить человека, и потому ласково уговаривающий:

— А-Мань, я сделаю ещё один надрез, хорошо?

... Как может существовать псих, который не только не боится боли, но и возбуждается от неё?!

Лу Хуэй решительно отказал:

— Нельзя!

Стиснув зубы, он добавил:

— Вдруг у этого переноса урона есть предел? От этого удара пострадаю я!

Мин Чжаолинь замешкался. С его характером следовало бы сказать «узнаем, когда попробуем».

Но, глядя на гневные фениксовые глаза Лу Хуэя, он всё же убрал руку:

— Ладно.

Он спрятал кинжал, и прежде чем Лу Хуэй успел выдохнуть с облегчением, снова протянул руку:

— Тогда используем другой способ.

Лу Хуэй догадался, что тот собирался сделать, но в скорости он и вправду не мог сравниться с Мин Чжаолинем.

Он успел уклониться лишь от первого движения. Мин Чжаолинь, поняв, что тот будет уворачиваться, в момент уклонения одной рукой схватил его за бедро и резко дёрнул на себя.

Лу Хуэй буквально соскользнул под него, и тогда Мин Чжаолинь просто взял и сжал его горло.

Его длинная, с чётко выраженными суставами ладонь плотно легла на чуть почерневшие следы от призрачных пальцев. В момент, когда пальцы с силой сжались, Лу Хуэй ощутил лишь давление руки Мин Чжаолиня на своей шее, но никакого удушья или боли не почувствовал.

Поэтому он воочию наблюдал, как всё тело Мин Чжаолиня напряглось, а его лицо слегка покраснело от напряжения. Но это выглядело не уродливо или неприглядно, а, напротив, подчёркивало опасность, исходящую от его сияющих возбуждением персиковых глаз.

Словно наркоман, словивший кайф...

Лу Хуэй почувствовал, что Мин Чжаолинь и вправду прилагает огромную силу, и, испугавшись, что тот сам себя придушит, тут же поднял руку —

Учитывая, что при переносе урона боль также передаётся, а нечувствительность к боли Мин Чжаолиня перешла к нему, и он не чувствовал боли, Лу Хуэй вложил в удар всю силу, обрушив её на плечо и руку Мин Чжаолиня.

Его кулак словно ударился о камень. Мин Чжаолинь вздрогнул, облизнул губы и наконец разжал руку.

Лу Хуэй смотрел, как на его шее медленно проступают следы от пальцев, и не выдержав, выругался:

— После выхода из инстанса поищи кого-нибудь, кто вылечит твоё безумие.

Мин Чжаолинь приподнял бровь, встряхнул головой, смахнув физиологические слёзы, выступившие на глазах от боли и удушья.

Он растёр слёзы между пальцами, опустил взгляд на человека, которого всё ещё удерживал коленями за область таза, зажав под собой, и, пребывая в прекрасном настроении, улыбнулся с некоторой искренностью:

— А-Мань, скажи, разве не здорово, если бы так было всегда?

Он склонился ниже, приблизившись к уху Лу Хуэя, и пряди его волос осыпались на лицо Лу Хуэя, вызывая зуд на шее и щеках.

Мин Чжаолинь прошептал:

— Ты боишься боли, а я — нет.

Он не просто не боялся, но и находил эти ощущения невероятными, настолько, что сейчас у него было такое хорошее настроение, что, казалось, он мог простить весь мир, что бы ни случилось.

Он даже вполне мог стерпеть то, что другое существо поставило на его добыче свою метку.

В конце концов, этого NPC потом всё равно придётся убить.

Авторское послесловие:

Мин вовсе не мазохист, правда. Он просто никогда не чувствовал боли и всегда испытывал недоумение, видя, как другие теряют способность здраво мыслить от неё. Это просто любопытство.

Прим. □: Стишок собственного сочинения. Также в стихке «□» (у́) означает «щека».

<http://bllate.org/book/12898/1133637>